

18+

Никита Залётов

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

ПОСЛЕ СМЕРТИ ЛЮДИ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ДЕРЕВЬЯ

Никита Залётов

Шаровая молния. После смерти люди превращаются в деревья

<https://litres.ru/74143227>

ISBN 9785006975972

Аннотация

Это тихая, тревожная и по-своему поэтичная история о мальчике по имени Джеф, который живёт на границе двух миров — внешнего и внутреннего. Его восприятие реальности искажено: деревья разговаривают, провода передают мысли, а умершие продолжают существовать в стенах.

Появление Сони становится для него первым шагом к соприкосновению с чем-то настоящим: доверием, привязанностью, сомнением. Однако и она приносит с собой ложь, страх и собственную попытку сбежать от жизни.

Содержание

Шаровая молния	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Шаровая молния После смерти люди превращаются в деревья

Никита Залётов

© Никита Залётов, 2026

ISBN 978-5-0069-7597-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шаровая молния

Машина взвизгнула, помчалась прочь, а водитель все еще кричит на нас:

— Идите к черту, мелкие сопляки! Было ваше, стало наше, а если не хотите проблем, бегите-ка вы домой!

У него в машине — кое-что очень для нас дорогое. И мне уже мерещится, как говорят по радио, по телевизору: «волшебные предметы были похищены сегодня ночью неизвестным лицом, скрывшимся на черном автомобиле неизвестной марки. В данный момент допрашиваются свидетели». И будут показывать наши лица, пусть и замалеванные квадратами, а все же друзья узнают, да может и не друзья тоже. Можно будет попросить, чтоб с затылка снимали, но по голосу-то все равно определяют. А потом вычислят, где я живу, придут и убьют из пистолета с глушителем.

А ведь мы совсем молодые ещё. Жизнь-то вот она, только началась.

Как только машина отъехала, мы ринулись за ней, догонять. Димка впереди бежит, я за ним, а чуть позади меня Женя, он моложе всех. Женя много курит, поэтому бежать долго не может, и скоро мы с Димкой вдвоем останемся. Это я уже заранее понял. Только пользы от нас нет никакой, все равно не знаю, как машину остановить, да и не догоним мы ее. А если догоним, и даже получится задержать преступни-

ка, то его банда потом будет преследовать нас, пока не убьет. Если уж они весь город умудряются контролировать, со мной им даже возиться не придется. Хлоп, и нету.

И снова говорят по радио: «по слухам, предметы обладают огромной силой. Именно их имел в виду святой Фёдор, когда говорил о новом оружии массового поражения, что появится в первый год нового тысячелетия». Может, с их помощью можно заглянуть в будущее, и увидеть, что станет с нами лет через сто. Или если их направить на человека — тот будет делать все, что тебе захочется. А может, с его помощью можно металл в золото превращать.

Машина плывёт от нас, и как будто дразнится, то унесется далеко вперед, то притормозит и ждет нас, а потом снова умчится. Мы кричим, бежим за ней, но как только оказываемся в нескольких шагах от цели, она снова от нас улетает куда-то. Женька так вообще отстал совсем, согнулся пополам, еле стоит. А мы — нет, все еще бежим.

А что там было-то — камни или кроличья нога? Уже не помню точно. У меня вообще в голове мало чего задерживается, это меня еще с детства мучает. Скажут что-то, ты запомнишь, придешь домой. А потом оказывается, что и запомнил ты совсем не то, что нужно, всё по-другому на самом деле было. Память подводит. А Димка — он нормальный, и Женя тоже нормальный. Только Димка спотыкается постоянно, а у Женьки одышка.

Кричу мужику в машине, когда поравнялись в очередной

раз, чтобы отдал похищенное. Кричу ему, а сам боюсь, что выстрелит сейчас мне прямо в лоб, и все, конец. От страха ноги подкашиваются, и снова падаю. И об меня Дима спотыкается.

— Извини.

— Да ничего, нормально.

— Эх, жаль об тебя споткнулся, так бы догнали мерзавца.

— Эх, да, так бы догнали...

И вдруг вижу, что это и не мужик никакой, а женщина. Ей очень много лет, и вид у нее такой, спятивший. И она кричит нам:

— Да забирайте ваше сокровище, не очень-то и хотелось!

С этими словами швыряет камень мне прямо в лицо. Я уже собираюсь вскрикнуть, и даже немного кричу, но понимаю, что это все-таки не камень никакой.

Кроличья нога. Мягкая и легкая, как пух в подушке.

А, ну да. Открываю глаза.

Опять снилось непонятно что. Как же они это надоело, словами сложно передать. Вчера снилось, как петуха ловил, а он все мне руки клевал. До крови разодрал их, и даже больно было. Проснулся, а руки в слюне все были, а вместо петуха за ногу свою хватал, она затекла, вот я ее и не чувствовал. Позавчера так и вообще апокалипсис приснился, будто он в нашем посёлке начинается, и все на площади собрались, а я стою на сцене и в микрофон говорю всякие правильные

вещи. О том, что не нужно держать ни на кого зла. И чтобы исправить по возможности все, что натворили при жизни — соседу нагрубил, или украли что-то из магазина. Все нужно вернуть и у всех прощения попросить, вот как я говорил. А потом люди превратились в петухов, и я тоже, а сверху голос раздался: «вот вам и конец всего человечества!»

Я у Димки вчера спрашивал, так ему приснилось, как он в автоматы играл и придумал беспроегрешную схему, и запомнил, а утром, как проснулся, сразу забыл. Вот это, я понимаю, сон. А мне даже неудобно было про этих петухов рассказывать. Чувствую себя полным дураком, и стыдно мне, что такие вещи снятся. Впрочем, люди так иногда и говорят — что я дурак.

И больше всего мне не нравится, что никак не могу во сне понять, что это сон. Всегда вижу какую-нибудь глупость, и верю во все, что вижу, и со всей серьезностью отношусь. И опять дерусь с петухами, или как сегодня, за кроличьей ногой бегаю.

Хорошо хоть люди, которые мне снятся, не знают об этом. Вот Димка, сегодня со мной вместе волшебную крепость сторожил, а потом мы мужика этого боялись, а на самом деле боялся только я один. И когда я сегодня с ним встречусь, он ничего не узнает, и не будет надо мной смеяться по этому поводу. Если только я сам ему не приснился в каком-нибудь виде.

Каждый раз, когда я просыпаюсь, у меня в ушах пищит почему-то. Пищит, потрескивает, как будто мои уши — это радио, которое ещё нужно перенастроить с одной частоты на другую. Вертишь колесико, до тех пор, пока не появится чистый звук. Вот и сейчас также, и лишь спустя минуту начинаю слышать голоса в гостиной, а это значит, что кто-то пришел. Дядя Коля, наш сосед сверху, а может мамина подруга на чашку кофе заскочила. Надо пойти посмотреть.

Мы живем с мамой одни. Сколько я себя помню, столько мы и живем с ней вдвоем, всегда вместе, но в то же время всегда одни. С мамой были иногда какие-то мужчины, некоторые оставались на несколько недель, а потом все равно исчезали. Я раньше думал, что, может, мама их чем-то обижала, но нет. Один раз я заглянул в глаза мужчины, который уходил утром — ничего такого в них не было. Тогда почему он не вернулся? Может, из-за меня — он, как увидел, что я смотрю, сразу отвернулся, и улыбаться перестал. Но ведь он видел меня и вечером, тогда почему отвернулся?

В общем, мама так и оставалась одна. И я у нее был один, и у меня кроме нее никого не было. В школу я не ходил — мама сказала, что мне это не нужно, что там я только намухаюсь. Из друзей только Дима с Женей — но они все больше друг с другом, чем со мной. Они живут вместе, и мы иногда общаемся, если я убегу в парк или в лес, и мы вдруг случайно встретимся. Хотя я замечаю, что и Женя, и особенно Дима, они посмеиваются немного надо мной. Но я на них не оби-

жаюсь. Потому что со мной сложно нормально общаться, я часто забываю, о чем только что говорил, или могу услышать что-то непонятное и смешное. Поэтому я и сны свои рассказывать боюсь, я ведь знаю, что не такие сны должны сниться, нормальным людям хорошие снятся и добрые, а мне глупые и бессмысленные. А кроме снов мне и рассказать-то нечего. Дома-то ничего не происходит.

Так что я лежу и придумываю себе хороший сон. Такой, чтобы и послушать интересно было, и без глупостей чтобы был. Например, о том, как я в кино снимался. Да, расскажу, что меня увидел в парке режиссер фильма, и пригласил для массовки. И я так хорошо с ролью справился, что мне еще и в эпизоде сняться предложили, и сказали, что заплатят. И в титрах напишут.

Лежу, и снова засыпаю, и уже не только думаю, но и на самом деле вижу, как режиссер подходит, представляется:

— Очень хороший фильм, и вы нам идеально подходите. Для массовки.

Очень радостно мне от этого становится.

И вдруг слышу сквозь полудрему, как мама моя говорит кому-то:

— Это он иногда кричит во сне, не пугайся. Вообще, он очень хороший, добрый.

А в ответ тишина, или шепот тихий, но не слышу ничего, как будто мама сама с собой разговаривает. И сквозь тишину снова ее голос прорезается, громкий, потому что утро сей-

час, и сил еще много:

— Сходи, поздоровайся, он вроде как проснулся.

А я лежу и не могу понять, кто у нас в гостях. В нашем посёлке все друг друга знают, и могут просто так зайти в гости по каким-то делам. Есть и такие, которые спились, в основном, мужчины — они иногда приходят к нам денег занимать. Вид у них, конечно, не самый лучший, жалко их становится, и мама им помогает, когда есть у неё возможность. Алкоголики, они только внешне страшные, а я вижу, что на самом деле они ангелы, ведь у них и тела нет, и голова не работает, а душа осталась. Только одна душа и осталась, причем душа хорошая, просто голова ей сильно мешает. Требуется выпить, а душа их плачет оттого, что бессильна против головы, и тогда она начинает слезы лить, и жалко ее очень становится.

Вот сосед наш, Дядя Коля, он тоже из этих, которые до утра могут на лавочке просидеть, со стаканчиком, а потом еще и спать лечь там же. Говорит, что раньше пел где-то. И тоже приходит к нам денег просить. У него с памятью плохо, пропилил совсем, и мы ему часто напоминаем, чтобы вернул owed. Только он не специально, он каждый раз извиняется, и может снова, тут же забыть. Прямо как я.

Слышу, шаги приближаются. Сейчас войдет, а что от меня нужно, зачем им ко мне заходить? Раньше, если приходил кто-то, то на меня и внимания не обращали, словно я стул, а иногда я и взаправду думал, что я стул или шкаф, мог часами не шевелиться. А если с тобой вдруг заговорят, то придется

что-то отвечать. И вот дверь открывается, и вижу, как высывается — один глаз из-за двери, потом голова целиком. И говорит еле слышно:

— Ты уже проснулся? Привет, меня Соня зовут, мы с тобой вроде как родственники. Я у вас поживу недолго...

Она осторожно улыбается, как будто стесняется меня.

— Я надеюсь, ты не будешь против. Мне нужно найти работу, и тогда я буду снимать комнату, а пока твоя мама сказала, что я могу пожить у вас. Вот...

Я слушаю и вообще ничего не понимаю, лежу и слова сказать не могу. Я иногда забываю всякие вещи, так вот сейчас я забыл, как говорить. Раскраснелся, как будто влюбился в неё. Хотя, может, так и есть. Во всяком случае, её лицо мне очень понравилась. И я чувствую, что внутри, в душе, она еще лучше. Я хочу ей это сказать, но не знаю, как это можно сделать. Вот же дурак, правильно про меня говорят, за столько лет так и не поумнел.

На самом деле я не знаю, сколько мне лет, потому что не умею считать. Цифры я вроде как помню, а вот покажи мне на пальцах число, и я не смогу ответить. У меня нет хватки на это, нет таланта считать. Поэтому, я хоть и представляю, сколько времени я прожил, но сколько мне лет, не могу понять.

И я так подумал, что, поскольку я не знаю, сколько мне лет, то пусть их будет ноль. Ноль — хорошая цифра. Хотя иногда мне кажется, что мне десять, а иногда, что пятьдесят.

Пока я думал над этим, Соня уже ушла, и дверь за собой закрыла, а я даже не заметил. Так и остался лежать, с красным лицом и с нулями в голове.

Вчера я весь день провел у окна. Мы на втором этаже живем, и мама наблюдала за мной через открытую дверь, проверяла, всё ли со мной нормально. А я смотрел на деревья, и не мог почему-то глаз оторвать, до того страшно они смотрели на меня, и говорили что-то, а я как будто сам стал деревом — стою, спину мне согнуло и руки заламывает, и в голове жжет как будто. Мне иногда кажется, что я с ума схожу, хотя я знаю, что это на самом деле не так, и я сам себя пугаю, потому что нужно только подумать о чем-то другом, и все становится нормально. Правда, потом долго перестраиваться приходится, можно и подолгу на четвереньках стоять, или лежать у стенки, как будто тебя к ней магнитом притягивает.

Вот и сейчас лежу в кровати, а пошевелиться не могу, то ли ноги онемели и не хотят слушаться, то ли забыл, как надо сделать, чтобы ими управлять. Какую команду послать, или о чем подумать — забыл, не помню совсем. Только руки слушаются, а от них толку мало, если встать нужно, или пройти в гостиную, или в туалет. Помню, когда в парке гулял, на меня собака напрыгнула, здоровая, вот тогда у меня первый раз ноги отнялись. Пока хозяин оттаскивал ее, всего покусала, и меня и его, а хозяин пьяненький был, и сам еле на ногах стоял, я так на руках и дополз до дома — благо, со-

всем недалеко было. Потом в больнице лежал, ноги от укусов лечили, и кололи шприцом, чтобы я бешеным не стал, как та собака.

Моя мама — она дерево. Растет в нашем доме, и никуда не выходит, разве что в магазин или заплатить за телефон, или за лекарствами. У нее все дела подобраны так, чтобы не надо было уходить далеко от дома. Это ее ветки, они иногда шевелятся на ветру, а некоторые отламываются и падают, вместо них вырастают новые. Еще у мамы есть корни, которые держат очень крепко, так как спутаны со многими другими. Я часто их вижу. Например, когда одна из ее подруг, зашедших на чай, приглашает маму съездить с ней на пару дней в город. И видно, как ветер колышит маму, пытается вырвать ее из земли, но никому не под силу это сделать, она так и оставалась всегда на своём месте.

А вот мой папа был настоящим ветром — сильным, свободным. Его не удерживали корни как маму, и он мог сегодня быть в одном месте, а завтра совершенно в другом, и нисколько не жалеть о том, что больше не увидится с любимыми людьми, или с любимыми вещами. Во всяком случае, он виду не подавал. Но, как и любого человека-ветра, его на самом деле не было. Он был просто силой, и для того, чтобы он был чем-то еще, ему нужно было дерево, такое как мама. Чтобы он мог вместе с ней слиться в одно, и качать ее в разные стороны, или переносить из места в место. Каждому дереву — нужен свой ветер, и наоборот, каждому ветру необ-

ходимо то, на что можно дуть.

Есть такие моменты, которые я помню, но их как будто на самом деле не было. Например, я помню, как папа с мамой жили в городе, на красивой набережной, помню, как всё выглядело в их квартире, помню, что папа постоянно куда-то ходил, а мама его ждала дома, в общем, занималась хозяйством. Еще она что-то печатала на печатной машинке, наверное, пробовала себя в роли писательницы — когда сидишь целый день дома, еще не тем займешься. Все это я помню, как будто сам видел, но тогда я не был живым.

Я спрашивал маму, было ли это на самом деле, и она сказала мне, что вообще никогда в городе не была. Да вот только я видел фотографии. И в комод у нее лежат напечатанные на машинке листы, только я их прочитывать не могу, не умею буквы распознавать. И как проверить не знаю, Димка их читать не хочет, а Женя даже говорит с трудом. А больше и не у кого спросить-то.

У нас вся квартира обтянута проводами — электрическими, телевизионными, телефонными — всех видов и не перечеистишь, а если начать вспоминать, какой из них для чего нужен, то можно и с ума сойти. Вот идет от выключателя вверх вдоль стенки, под обоями, чтобы никто не видел — это к лампочке на потолок. Еще один, точно такой же, но он уже свисает до плинтуса, и идет по нему до дальней стенки — этот включает радио, если мне захочется что-нибудь по-

слушать. Вся квартира в проводах, как в паутине. Но с ними все же лучше, чем без них, потому что удобней, и если у тебя не получается встать с кровати, то ты хотя бы можешь послушать, что происходит кругом.

Я иногда выключаю свет и прислоняю ухо к выключателю — и слышно все, что происходит в других комнатах, а иногда даже то, что на улице. Если же прислониться к проводу от телевизионной антенны, то можно услышать, как поют птицы на крыше, или просто послушать ветер, или еще что-то.

Я приподнимаюсь кое-как, облакачиваюсь на спинку кровати, и прижимаюсь головой к стене в том месте, где провода проложены. Сначала до меня доходят лишь отдельные звуки, похожие на ветер или на шум, который бывает, если уши пальцами заткнуть. Но спустя время я уже слышу кое-какие слова, вернее то, что от них остается, пока они до меня доползают. Одно слово догоняет другое, они переплетаются, сталкиваются с третьим, и в результате в ухо попадают лишь скомканные в гармошку обрывки:

— И чтон скал? Овтел ониудь?

— Нен смотак стшано япсгалась ишла. Ан таистался лжать.

Но, как говорят, терпение — ключ к успеху, и очень скоро мне уже понятно все, о чем говорят в гостиной. Я уже различаю голоса, и могу с уверенностью сказать, что один из них принадлежит маме — звонкий, утренний, а другой ее новой подруге, Соне — он немного смешной. Иногда мне кажется,

что всего того, что мы видим — на самом деле и не существует, все придумывается на ходу, рисуется с помощью звуков. Я иногда даже вижу, из каких звуков что составлено, и где какая мелодия спрятана. Вот дом, в котором мы живем — он громкий. А я — тихий. И тётя Даша тихая. Моя мама тоже тихая, но не настолько, как я — скорее, как дерево или качели.

Некоторые люди — качели. Их может заносить в разные стороны, да так, что думаешь, еще секунда, и улетят они в небо, и никогда их больше не увидишь. Однако секунда проходит, и понимаешь, что они возвращаются обратно. Потому что они всегда привязаны — веревками привязаны к дереву, и качаются сильно, но всегда в пределах видимости. И вряд ли найдется такой ветер, чтобы раскачать их так сильно, чтобы унести далеко-далеко.

Я слушаю, о чем говорят мама с Соней, и в голове рисуются образы — комната, большой стол посередине, чуть подальше телевизор, на столе конфеты с шуршащими фантиками, и чай в кружках. Спиной к окну сидит мама, и смотрит куда-то в угол, видимо, о чем-то думает, и не может сосредоточиться. Иногда она поглядывает на Соню, но не может надолго задержать на ней взгляд.

Соня сидит, закинув ногу на ногу, и говорит, не торопясь, медленно, как будто рисует что-то. Рисует меня, по всех видимости, потому что говорит обо мне, и я уже вижу не только комнату, но и себя в ней, как будто я рядом стою нарисо-

ванный и слушаю, а меня никто не видит. Как только я очутился в гостиной, мне стало намного лучше видно то, что в ней. Мама сидит в своем халате, и сыплет из банки сахар в кружку, по одной крупинке за раз, после чего каждый раз мешает его ложкой. На Соне джинсы и вязаная кофта. Ей, как и мне, не очень много лет. Она продолжает говорить:

— Ольга Павловна, а как насчет специальной школы? Ведь есть же такие, где могут если не писать и считать, то хотя бы читать научить, чтобы в посёлке ориентироваться.

[illegible]

— Да ну? То есть... А как же... шшшшшшшшшшшшш?

— Он живет по каким-то своим законам, и, может, даже видит все по-другому. Ты заметила, какие у него зрачки большие? Как у кота, или у собаки. Но ты не бойся, на самом деле он добрый, и ни разу никому ничего не сделал.

— Я вам честно скажу — он меня испугал немного, но только в самом начале. А теперь мне даже интересно с ним будет познакомиться. Я думаю, мы подружимся.

[illegible]

И вдруг связь прервалась, и вместо разговоров пошло одно шипение, которое слушать нет никакого смысла. Шипение — оно некрасивое, потому что доходит до тебя с ошиб-

ками, и непонятно, испортилось ли оно в дороге, или было отправлено таким специально. Шипение — оно не тихое, оно большое и громкое, и больно бьет по ушам, но в то же время в нем нет ничего, кроме молчания. Оно как будто тянет из меня что-то, и все никак не может вытянуть.

В ногах начинает покалывать, и я уже могу шевелить пальцами. Остается только опустить ноги на пол, а дальше они пойдут сами, потому что поймут, что от них требуется. Они поймут, что если согнутся, то я упаду. Им эта работа знакома уже много-много лет, и они справятся.

Ну-ка... Вот и готово, вот я и стою, и для верности все же держусь одной рукой за дверной косяк, мало ли что. Несколько шагов по коридору, и я уже оказываюсь там, где совсем недавно пребывал в своем воображении — напротив стола в гостиной. Я говорю:

— Доброе утро.

И сразу добавляю:

— Извините, что напугал.

Мама лишь приподнимает голову, и кивает мне в ответ. Она редко со мной здоровается, только если гости у нас, да и то не всегда. Кивает, и в то же время смотрит либо сквозь, либо в сторону, и лицо у нее такое, как будто кто-то умер. С утра она мне не очень нравится, нехорошо она на меня смотрит, но зато к вечеру все приходит в норму. А перед сном так и вовсе подойдет, обнимет, и еще расскажет что-нибудь интересное, пожелает приятных снов. Может, усталость де-

лает людей добрее, а, может, ей просто сны плохие снятся, вот она и переживает так по утрам.

Соня поворачивает голову в мою сторону и перед тем, как поздороваться, долго меня разглядывает, как будто я картина и она собирается меня купить. И вдруг мне кажется, что я и есть картина, повешен на стенку в магазине, и на меня все смотрят, а я смотрю на них, только они об этом не догадываются. И как только представил себе эту сцену, начал без всякого стеснения разглядывать Соню — заглянул ей в слегка приоткрытый рот, потом опустил взгляд на грудь, живот, затем уставился ей прямо в зрачки. Тут наши взгляды встретились, и она мгновенно опустила глаза. Повернулась обратно к столу и ответила сама себе:

— Доброе утро.

Я понимаю, что позволил себе глупость, рассматривая ее таким наглым образом, и не нахожу ничего лучше, кроме как повторить:

— Извините, что напугал. Кстати, Вы заходили в мою комнату, я тогда не совсем проснулся ещё, и не мог ничего ответить. Так вот, мне тоже очень приятно, и меня зовут Джеф.

Мама снова поднимает голову, и грустно на меня смотрит, как будто хочет, чтобы я что-то вспомнил, сверлит меня тоскливым взглядом, шипением, как будто вытягивает из меня что-то. Потом видит, что это бесполезно, что я не понимаю ее, и звонким, но в то же время уставшим голосом

произносит:

— Ну сколько раз тебе говорить. Тебя зовут не Джеф, а Джеф.

— Так я и говорю. Меня зовут Джеф.

— О, Господи...

И я вижу, как ее ветви выходят через наше окно, и врезаются в окна домов напротив, и в те, которые стоят в километрах от нас, они проходят через кинотеатр в ресторан на площади, потом идут по рельсам в неизвестном даже им самим направлении. Ветви натянуты и вот-вот вырвут ее из земли, но это только так кажется — на самом деле корни буквально прибили ее к месту, да так, что ей рот открывать тяжело. Корни расползаются под полом, под обоями, через электрические провода, и все они ведут ко мне. К качелям, которые умрут, если дерево вырвать. И я понимаю, почему мама на меня злится — потому что я мешаю ей. Она прикована корнями из-за меня, и никакой ветер не сможет ее от меня освободить, даже сам Бог. И я говорю ей:

— Извини.

На потолок приземляется муха, маленькая, черная, а на лапах у нее едва заметные присоски, которые не дают ей упасть, и тихо пощелкивают, когда муха ходит. Напротив нее, там же, на потолке, встает комар, и хоботом чертит линию, потом кивает, словно дает разрешение говорить, и муха ему отвечает:

— Клянусь своими изношенными крыльями, что добегу без всякого мошенничества до твоей черты! Засекай, комар!

— Смотри, муха. Как только мама Джефа начнет говорить, ты должна быть уже возле меня, иначе...

Мама заканчивает размешивать сахар, кладет ложку на блюдце рядом с чашкой и разворачивает конфету. Муха уже на полпути, она еле дышит, чуть не падает, но при этом не сбавляет ходу, и только слышно, как присоски щелкают — «щелк, щелк, щелк». Мама комкает фантик, медленно кладет на стол, к остальным в кучу, смотрит на меня, открывает рот. Мухе остался один шаг до финиша!

— Джеф, что ты в потолок уставился? Неужели там интересней, чем за столом? Вон гостья к нам приехала, спроси, откуда она, почему здесь.

— Мам, у тебя это... комар на лбу.

— Вот всегда так, — мама поворачивается к Соне, — вроде бы слышит, а в то же время витает где-то в облаках, и всегда о чем-то о своем думает. Иногда кажется, что понимает, а на самом деле ничего он не понимает. Да и как это возможно? Такие... они не понимают.

— Мам, у тебя муха в чае. Мам...

— Так что, если хочешь, можешь с ним поговорить, конечно, но не рассчитывай на взаимность. Он покивает, покивает, а потом ляпнет что-нибудь про комара, вот и весь разговор. О многом с ним не побеседуешь... Разве что о самых простых вещах, — и с этими словами мама вылавливает

из чая муху.

Я не знаю, почему мама так себя ведёт. Каждому гостю она говорит, что со мной невозможно общаться, что я не умею слушать и говорю ерунду. Зачем она это делает? Ведь после каждого такого слова ее корни еще больше разрастаются — под полом, под обоями, и все больше эти корни ко мне тянутся, прижимаются и выются по моим ногам. Ругается на меня, но все же не очень-то хочет, чтобы у меня кроме нее кто-то был, поэтому и обманывает гостей. Значит, зачем-то я ей все-таки нужен?

— Ольга Павловна, а может мне с собой Джефа взять? Мы бы нашли, о чем поговорить, я уверена, да и ему неплохо бы проветриться, можно? К тому же я не знаю, где тут у вас что находится, а он бы мне показал.

Мама пожимает плечами и говорит что-то похоже на «ну-у...» — это значит, что можно. Хорошо, что Соня об этом спросила, я и сам хотел ей предложить, я даже придумал, куда мы ходим. Я покажу ей посёлок — какие у нас места есть, а она бы рассказала, почему к нам приехала, и откуда. Потом можно будет сходить к церкви, если сегодня выходной. Да что бы там ни было, все равно будет интересно. Надо надеть новые туфли, которые мне на первое сентября купили, на день знаний — они блестящие и поэтому как будто парадные.

Пока я обуваюсь, мама сует Соне старую потрёпанную книжку, и шепчет на ухо:

— Он может на несколько часов засесть на одном месте — вот, считаешь, чтобы не заскучать.

— Да не нужно, Ольга Павловна, он же не собачка, мы пообщаемся, — Соня шепчет осторожно, но я все равно все слышу. Да, я не собака. Но иногда мне так кажется, особенно когда мама со мной гуляет. Она даже верёвкой меня к себе привязывать пробовала, чтобы я не убежал. Только я все равно убегаю, и прихожу поздно, под вечер, когда нагуляюсь и есть захочу. А могу и с самого утра через окно вылезти — главное успеть, пока мама не сообразила, что к чему, ведь она тоже меня по проводам слушает, чтобы я не убегал никуда.

Мы с Соней выходим на улицу, и я машу рукой маме в окно, даю ей знаки, что все будет нормально. Я одет по-осеннему — на мне пальто новое, шапка и легкие штаны, а под ними ничего нет, потому что пока еще тепло, только-только осень началась. Верёвкой мама меня связать постеснялась, тем более что Соня сказала ей перед выходом про меня, что я не собака. Все же мама — немного флюгер, вроде петухов на старых домах за окраиной, которые из жестяных пластин выпилены и вертятся в разные стороны. Чуть дунешь — и петух уже смотрит в другую сторону, только с места его все равно не сдвинешь, как ни старайся. Мы уже далеко от дома, а мама смотрит на нас из окна, как будто что-то с нами должно случиться, и непременно сейчас.

— Кстати... Вы ведь старая мамина подруга, да? Вы вместе учились или может работали?

Я делаю серьезное лицо, как будто у нас свидание. Но вместо того, чтобы ответить, она только смеется:

— Джеф, ну ты даешь! Мне что, действительно можно дать столько лет? Столько же, сколько твоей маме?

— Я не знаю. Нет, наверное, нет. Ты гораздо моложе.

— Вот видишь. Я лишь на четыре года старше тебя. К тому же я говорила тебе, когда зашла в комнату, что мы с тобой родственники.

— Разве говорила? Я не помню.

— Как? Это же было совсем недавно, полчаса назад.

— У меня эти мысли кое-то крадет, а потом их шипением заменяет, чтобы я думал, что люди не говорят, а шипят. И ещё по кое-каким причинам.

— Да? Это интересно... тогда продолжай! Кто именно у тебя их крадет и по каким-таким причинам?

— Мама крадет. Она слушает, что мне говорят, а потом выдергивает из меня все, что ей кажется ненужным.

Соня посмеивается в сторону, едва заметно — я все это вижу, но не обижаюсь. Надо мной люди часто посмеиваются, и если смеются по-доброму, то я не против. Так что я лишь улыбаюсь в ответ, и Соня, увидев мою улыбку, смеётся уже открыто. Я тоже не выдерживаю и громко гогочу, отчего она смеется еще громче, и так мы и хохочем до самого шоссе, без всяких причин, просто ради смеха.

— Крадёт?

— Ну да!

— Но как она могла услышать, если в тот момент была в гостинной? А?

— По проводам. Если ток выключить, то по ним идет звук, и можно слушать.

И мы снова смеемся.

— Ну, уж это вряд ли!

Скоро мы доходим до главного парка — единственного парка в посёлке, который еще не зарос, и в котором иногда убирают. Я был во многих разных местах — в чужих садах, на кладбище, в лесу за церковью, около завода, и все они завидуют главному парку. Потому как это лицо посёлка, а все остальные места, по бокам — они как будто лишние, и некому следить за чистотой в них, за порядком. А деревья, наоборот — те, что в центре, жалеют, что не родились где-нибудь с краю. Как-то раз в парке одно дерево мне сказало: «Джеф, ну почему я должно торчать в самой середине, у всех на виду, смотреть на пьяниц с собаками, слушать каждый день весь этот шум, ругательства, почему я вылезло именно здесь? Лучше бы семечко, из которого я выросло, смерзло в декабрьскую ночь, и лучше бы меня вовсе не было!» Это дерево было совсем еще маленькое, так что я просто выкопал его и пересадил за кладбищем, и оно прижилось.

— Ты разговариваешь с деревьями? И что же нам говорит этот огромный дуб?

— Это не дуб, а липа. Только оно сейчас молчит, потому что деревья редко очень разговаривают. Если очень нужно, тогда говорят, ну или пока молодые.

— А мне эта липа только что сказала, что ты все наврал! И что она вовсе не против о чем-нибудь поболтать!

Соня думает, что я в шутку это говорю, но я действительно слышу. Слышу иногда, как трава подо мной шепчет: «Стой, стой, стой!», и я останавливаюсь, припадаю ухом к ней и слушаю. А она все: «Стой, стой», и даже когда совсем замираю, все равно не замолкает — просит остановиться.

— Слушай, ты, конечно, странноватый, но не такой, как твоя мама мне сказала. И вроде даже не шшшшшшшшшш...

— Это она специально, чтобы со мной никто не общался. Она всем так говорит, поэтому со мной никто и не пробует говорить, только рукой мне иногда помашет, и что-нибудь про меня маме скажет. Один раз я подслушал, как она просила людей не разговаривать со мной, потому что я на самом деле артист.

— Артист?

— Да. Что у меня какая-то особая форма артизма.

Соня крутит сухой листик пальцами одной руки, хочет свернуть, но листик каждый раз уворачивается.

— Так у тебя совсем нет друзей?

— Есть, но они не всегда друзья — так, поговорим иногда, если встретимся. Димка — он немного заторможенный, потому что получил травму. А Женя — его товарищ. Они

живут в одном отделении, и поэтому все больше вместе держатся, но иногда и я с ними время провожу. Когда убегаю утром, через окно.

Мы подходим к пруду. Дует слабый ветерок, и по воде идут волны, и тут же мне представляется, как будто движется кто-то, что это по волнам большая утка плывёт, а за ней целый выводок утят. Кто-то из них кричит по-утиному: «Мама, а где наш папа?»

— Соня...

Соня садится на корточки, и водит листиком по воде, наблюдая за своим отражением, которое то появляется полностью, то совсем пропадает в водяных кругах. Утенок догоняет большую утку и щиплет ее за крыло: «Мам, ну мам, где наш папа?» Ветер дует еще сильнее, отчего волны становятся еще больше и мне слышится, как вода шепчет: «Стой, стой, стой».

— Соня...

Соня оборачивается, и вдруг ветер затихает, а большая утка, со всем своим выводком растворяется в пустоте, вместе с шепотом и волнами.

— Соня, ты, кажется, говорила, что мы родственники. А какие именно?

— Ты мне двоюродный брат. Наши мамы сестры.

— Надо же, мне об этом никто не говорил. О том, что у моей мамы есть сестра.

— Может, и говорили, да ты забыл. Или у тебя украли это

из головы. Ха-ха! Хотя не удивлюсь, если тебе действительно ничего не сказали — зачем тебе знать, что у твоей мамы... а, ладно, проехали.

— Почему проехали?

— Ну, просто проехали, как будто я ничего не говорила. Понимаешь, не всё хочется рассказывать — просто, скажем так, твоя мама мою не очень-то любит, ну, и моя твою тоже. Они не общаются. Хм... Ты, наверное, спросишь, а что же я тогда тут делаю, как я вас нашла, и почему меня вообще твоя мама пустила к себе? Тут очень долгая история.

Я отвечаю, что у нас много времени. Обед еще нескоро, но можно пообедать и попозже, если вдруг история затянется. Мама не любит, когда что-то происходит не по расписанию, а мне всё равно. Когда папа был жив, он в метро не любил ездить, потому что тесно в нём и душно, особенно зимой. А маме главное было не опоздать, поэтому они постоянно спорили, как им лучше поехать.

— Ты был в метро? Я думала, ты из этого посёлка никуда не выбирался?

— А я и не говорил, что был. Просто видел, как в нем катался папа.

Я могу видеть из папиной головы, из его глаз — как будто в его голове пусто, а я забрался туда и смотрю изнутри, через дырки в глазах. Вижу, как папа спускается на эскалаторе, ждет поезд, потом заходит внутрь и встает с краю, у стенки. А потом он закрывает глаза, и я уже ничего не вижу, сижу

в темноте, и слушаю, как поезд шумит, как шуршат газеты, разносятся голоса по всему вагону.

— Как это ты мог видеть, Джеф? Если мне не изменяет память, твой отец куда-то исчез еще до твоего рождения?

— Он никуда не исчез. Он у нас дома.

— У вас дома, где?

— В стенке.

Соня смотрит на меня слегка испуганно. Но она, наверное, не поняла, что я имею в виду, и думает, что мы замуровали папу. А это совсем не так, папа сам себя замуровал, ещё когда я не родился. Папа тогда застрелился в комнате, где я теперь живу. Помню, мама вскочила от звука выстрела, а она скоро уже родить должна была, и я испугался, что она сейчас умрет от разрыва сердца, и я так и останусь у нее внутри. Но мама сильная, она даже в обморок не упала, только плакала, но потом собралась с духом и даже дала какие-то показания.

А папина душа в стенку вселилась, потому что окна закрыты были, и она не могла вылететь на улицу и найти себе дерево, куст или еще что-нибудь. Обычно души сидят в деревьях, или в кустах, а некоторые в проводах сидят, или в траве. Поэтому деревья и разговаривают, а некоторые плачут, а другие ворчат постоянно. Они все такие, какими были души в последний миг перед смертью. А папина не смогла себе ничего такого найти и вселилась в стенку. Теперь, если к стене ухо приложить, то можно слышать то, о чем папа говорит, иногда он даже со мной здоровается, но, в основном,

просто бормочет что-то непонятное.

— Джеф, ну что ты несешь! Ладно, про говорящую траву, но говорящая стенка — это уже перебор! Твой отец вовсе не застрелился, он просто пропал, кинул вас, проще говоря. Понимаешь?

— Но когда я к стенке...

— Ох, ну ладно, мы тут ничего не докажем, верно? У тебя своя правда, с говорящими деревьями, у меня своя, с фактами и реальностью. Давай лучше о чем-нибудь другом поговорим, а то меня, если честно, немного передергивает от этих тем... О чем бы ты хотел услышать?

Хоть мне и немного обидно за деревья и папу, но я соглашюсь сменить тему.

— Почему ты приехала? Тебе дома было плохо?

В ответ на это Сонино лицо делается каким-то задумчивым.

— Ну, видишь ли, Джеф. Просто мне сейчас негде жить, вот я и приехала к вам. Но это ненадолго, как только я устроюсь на работу, я буду снимать комнату и жить одна. Видишь ли, вчера я пришла домой, и увидела кое-что страшное, а рядом лежала записка, в которой говорилось, что я должна как можно быстрее бежать из города.

Соня говорит тихо, а я смотрю на неё в упор, боковым зрением наблюдая за тем, как меняется мир. Трава вдруг встает на дыбы, а деревья выпрямляют свои ветки, и все они начинают шелестеть, пытаясь перешептать Соню. С каждым сло-

вдруг говорю. А Соня — так и подпрыгнула на месте.

— Ты... Ты что такое говоришь? Я ж тебе сокровенное рассказываю, а ты... Я думала, ты поймешь!

И тут она замечает, что я говорю это, стоя на коленях, а сам чуть не плачу, и дрожу всем телом, потому что иголки тыкают в ноги. И тогда Соня хватает меня, обнимает за голову и шепчет еле слышно:

— Ну что ты, в самом деле... Ну, ну же. Все хорошо, Джеф. Это всё прошло, это было со мной вчера, теперь со мной все в порядке. Всё позади.

А я пошевелиться не могу, застыл на месте — как вкопанный, как дерево, которое корнями вросло, и радо бы вырваться, да не может. Только дерево корни держат, а я себя сам держу, потому что как двигаться забыл — какие команды отдавать, чтобы подняться. Стою на коленях, и как дрожать даже забыл, только чувствую, как Соня меня по голове гладит и говорит:

— Всё хорошо, всё хорошо...

И тут мой рот сам по себе открывается, а я просто как зритель наблюдаю за этим, и ничего не могу поделать. Мой рот говорит Соне:

— Ты все наврала. Зачем? Я ведь тебе ничего не соврал, почему ты меня обманываешь?

И после этого всё вокруг замирает.

Я стою на коленях и слушаю, как ветер играет листьями,

как они кружатся в пруду, играют друг с другом, да и с ветром тоже — еще бы, целое лето висели на ветках, а тут — раз, и все, лети куда хочешь, делай все, что только заблагорассудится. Вот они и кружатся, кричат по-своему, веселятся друг с другом, хотя и понимают, что теперь они уже взрослые — а значит, каждая минута приближает их к смерти. А потом они умрут и станут деревьями, огромными как многоэтажный дом. Я пока еще лист, и все еще качаюсь на ветке, но вдруг однажды какой-нибудь резкий ветерок сможет меня сорвать и унести через крыши далеко-далеко — туда, где я и не думал никогда бывать. Вот Соня уже сорвалась, и прилетела к нам — а сейчас сидит напротив меня и почему-то не хочет мне в глаза смотреть. Но и уходить тоже не собирается, а что произошло, я не знаю — я как будто проснулся только что.

— Джеф... Это ведь нехорошо говорить про живого человека, что он умер?

— Наверное. А что случилось, ты про кого так сказала?

— Ты это... извини меня, я ведь действительно тебя обманула. Про маму свою — на самом деле с ней все в порядке... вернее, все как обычно. А я просто так уехала, ну, надоело мне жить с ней, хотелось вырваться куда-нибудь, вот я и решила сюда переехать, и Ольге Павловне наплела чепухи про долги, про записку, чтобы она разрешила пожить у вас. Господи, все же глупо очень вышло — я тебе рассказываю, якобы душу свою раскрываю, а на самом деле бессовестно

вру... Черт. Джеф, извини, я не хотела, чтобы так...

Голос у Сони дрожит, а я не могу понять, почему она мне это рассказывает. И почему я стою на коленях, причем уже довольно долго, так что ноги затекли, и куда делись утята? И кажется мне, что все выдуманно, все не на самом деле происходит, а только во сне, и я сейчас сплю, и вижу не Соню, а только свою фантазию. Такое бывает, когда проснешься, и еще не совсем соображаешь, где жизнь, а где выдумка. А иногда думается, что меня и вовсе нет, и я просто выдуман, и нахожусь у кого-нибудь в голове, ну, например, у Сони, и она сейчас сидит и рассказывает всё своей фантазии, и эта фантазия и есть я. Меня еще Димка дразнил, что меня нет, и он просто меня выдумал, а я ему тогда почти поверил, потому что не всегда себя чувствую.

Только я за палец себя щипаю, и понимаю, что все же не сплю, и не выдумал ничего, а все на самом деле происходит.

— В общем, я Ольге Павловне сказала, что моей мамы больше нет.

— Соня, а что, если твоя мама вдруг моей позвонит? И та всё узнает?

— Может, и так. А может, и не позвонит. Они же давно не общаются. В любом случае, несколько дней у меня точно есть, а за эти дни я, может, и еще куда уеду. Понимаешь, я, наконец, вырвалась, и теперь меня уже ничто не держит! Могу хоть на край света уйти, были бы силы, понимаешь?

— Да, Соня, я смотрю — тебя даже мама собственная не

держит.

— Ну, Джеф, как тебе это сказать... Я, конечно, буду по ней скучать, но все же у меня теперь своя жизнь, и эта жизнь для меня важнее. Важнее мамы, папы — всех на свете. Когда ты в свободном плавании, нельзя думать о тех, кто на берегу. А то так и будешь царапать по дну в двух метрах от берега.

Скрип-скрип. Я чувствую, что царапаю, но мне пока нельзя в плавание.

— Джеф, а ты был где-нибудь?

— Я не был. Вернее был, но только когда был у папы в голове. А так мама меня старается никуда не пускать. Она очень боится, что я убегу.

— Но ведь ты все равно убегаешь?

Убегаю, когда случай представится. Раньше через окно вылезал, а теперь на нем замок, и чтобы открыть, ключ нужен. Он у мамы спрятан, только я все не могу понять, где именно. Может, в каком-то секретном ящике, или под обоями. Она меня этим ключом все время при себе держит, потому что боится, что я могу не вернуться, что убегу куда-нибудь далеко и там останусь, уйду в какое-нибудь дальнейшее плавание. Она и сегодня-то меня с Соней отпустила только потому, что перед ней неудобно стало. Все же я не зверек ручной, чтоб меня вот так при себе держать, а живой человек.

— Да уж. Поживее, кстати, некоторых.

Соня хороший человек — и даже если она и наврала, хоть и не помню, о чём именно, то только потому, что не все мож-

но сказать при первой встрече, а если откажешься говорить, то могут на тебя и обидеться. А если человек обиделся, значит, ты ему плохо сделал и тоже виноват. Я же несколько на Соню не обиделся — даже рад, что она теперь решилась правду рассказать. Так что все получается хорошо, и Соня уже смотрит на меня, улыбается, и не опускает взгляд, потому что открылась мне, а я не стал ее осуждать.

Мама говорила, что много-много лет назад Бог разговаривал с людьми, да так, что по всей планете звучал его голос. Говорят, что тогда люди были намного лучше, чем сейчас, поэтому Бог от них не отворачивался. А, может, они как раз были такими хорошими потому, что с ними Бог разговаривал. Я думал об этом вчера, когда мы с Соней возвращались домой, и хотел поделиться с ней своими мыслями, но не успел — не заметил, как уже пришли. Мама сразу нас накормила обедом, а потом Соня отправилась в свою комнату, которая когда-то была папиным кабинетом. Вечером мы туда затащили раскладную кровать, а все остальное там уже было — и стол с лампой, и шкаф, и окно.

Сегодня мне приснилось, что все вдруг вышли из домов и стали смотреть на небо — оно было такое темно-синее, красивое, потому что была ночь, а ночью, должно быть, все очень красивое, как в сказке. И ночное солнце висит над

головой, огромное, в половину неба, белое, словно снег, и светится ярким, прозрачным светом. Все смотрят на него и улыбаются широко, как будто с ума посходили, и улыбки у всех до ушей растянуты — такие огромные. А потом на небе вдруг вспышки пошли, как от фотоаппарата, только в миллион раз больше, словно нас на гигантский фотоаппарат снимают, и люди радостно кричать начали — все сразу, одним большим хором. И я спрашиваю у одного мужичка, который стоит рядом со мной:

— Что же это происходит?

А он на это мне отвечает:

— Значит, в первый раз видишь? Ну, тогда смотри — это и есть наш Бог, вот он дает о себе знать. Видишь, какое шоу устроил — все для нас.

Соня покатывается со смеху — ей очень нравится, как я про свой сон рассказываю. И мне тоже очень весело становится, и я признаюсь Соне, что до сегодняшнего дня мне одни глупости снились, а что сегодня в первый раз что-то интересное увидел. Может, потому что лег рано, а может, Соня на меня так подействовала — ведь мы спали в соседних комнатах, а стенка между нами — даже и не стенка вовсе, ведь в ней живет мой папа. Так что я случайно мог забраться в ее сон, пока она спит, и подглядеть.

— Нет, Джеф, мне на такие приключения очень редко везет, только если температура, вот тогда жди во сне чего угодно. А сегодня мне мама снилась... ну, как мы... прощаемся.

Она говорила — нам с тобой не по пути, а на самом деле, это я должна была так ей сказать. Потом она начала кричать о том, что я ломаю ей жизнь, хотя это я должна была начать так кричать. Ну, в общем, бред какой-то, но настроение слегка испортилось. Как-то не по себе теперь.

— Может, это тебе твоей мамы сон приснился.

— Ха, а ведь может и так. Ну, вставай в любом случае, твоя мама по делам ушла, тебя завтрак ждёт. Давай, поднимайся.

Меня ноги еле держат, и слегка покачивает из стороны в сторону, как на палубе корабля. Еле дохожу до стенки, прислоняюсь к ней ухом, хочу поздороваться с папой, но рот мой никак не шевелится. В стене тоже совсем тихо — значит, папа еще спит. Я говорю Соне, что можно попозже попробовать, когда папа проснется.

— Да страшно ему, вот и молчит. Идём на кухню, — Соня тянет меня за рукав.

— То есть как это — страшно? Почему ж ему страшно должно быть?

— За тебя страшно! Да я просто так сказала. Джеф, неужели ты действительно думаешь, что души могут сидеть в стенках, деревьях, в стоге сена? Что они там забыли? После смерти наверняка ничего нет, только одна пустота.

— И даже рая нет?

— Не знаю. Порой мне кажется, что рай и пустота — это одно и то же. Ведь нет ничего такого, чтобы было от него

только одно хорошее. А в раю все должно быть хорошо.

— Ну, ты придумала, Соня. Давай лучше после еды послушаем стенку, наверное, папа к тому времени уже проснется.

— Ну что ж, послушаем, — Соня улыбается с лёгкой насмешкой.

Раздаётся звонок в дверь.

— Соня, звонят. Это, наверное, мама вернулась.

Соня делает вид будто никакого звонка не было:

— Кто звонит? Где?

— Соня, я говорю, сходи, посмотри, кто пришел.

Как только я это сказал, в дверь снова позвонили. Тут уже Соня вздрагивает и удивлённо смотрит по сторонам. Что же с ней такое? Наконец, она встаёт и подходит к двери, посмотреть, кто же к нам пришел. А это, оказывается, дядя Коля, сосед наш.

— Чижов это, пришел долг отдать.

Соня отпирает дверь, и он входит, пожимает мне руку, здоровается с Соней и делает ей забавный комплимент: «вы прекрасны, как русалка в нашем фонтане на центральной площади». Он уже говорил точно такой же маме, но сейчас ее поблизости не видно, поэтому он повторяет этот номер с Соней, а я ему показываю кивком — мол, не выдам. Чижов смешно выглядит, в старом дырявом пиджаке и в спортивных штанах — в общем, по-домашнему.

— На, бери, две тысячи ровно. Спасибо хозяйке передай, скажи, век не забуду, очень вы меня выручили. Ну, я по-

шел... — Чижов говорит, а сам не уходит никуда.

Дядя Коля всегда так делает — если ему действительно нужно уходить, то он просто руку протягивает на прощание, а если не тянет руку, стоит, мнется на месте — значит, есть еще какое-то дело. Мама давно это поняла и сразу в такие моменты спрашивала, что ему нужно, когда он газету занесет или еще что-то. Обычно он всегда в долг просит, до зарплаты, до премии, подработки или приезда родственников — только отдаёт он все равно позже, чем обещает. Это оттого, что водка, которую он пьет, на голову плохо действует — от нее чувство вины пропадает. А это чувство очень полезное. Оно, конечно, сначала кажется, что мешает, а потом понимаешь, что без него-то и никуда. Вот Чижов думает, что все в порядке, а ведь настанет такой день, когда мы ему в долг давать перестанем, и в трудную минуту уже совсем некому будет ему помочь. Но сам дядя Коля не виноват, вернее, он когда-то был виноват, а тот дядя Коля, который сейчас, он просто ничего уже не понимает — ведь ему кажется, что все нормально.

— Ну, я, как уже говорил, пошел... Пошел... Хотя ты стой, Джеф, а мама твоя скоро придет? Я, пожалуй, подожду тут, пока она не вернется.

— Не хотите ли чаю? Простите, как вас по имени-отчеству? — Соня уже протягивает ему кружку.

— Для вас просто Коля. Я ваш сосед.

— Хорошо, Николай, садитесь. Не возражаете, если мы

поедим — Джеф со вчерашнего обеда ничего не ел.

— Да, да, конечно. Джеф, что же ты, голодовку объявил?

А я ему отвечаю:

— Да как-то уснулось как-то само по себе.

— Вот ты смешной, конечно, Джеф — спать ему нужно было. Я так иногда всю ночь не сплю, только под утро ложусь. А Женя с Димой, друзья эти твои, как-то раз иду домой, а они сидят на скамейке. Ну, Женя, конечно, ни «бе», ни «ме», как обычно, а Димка ничего, поздоровался... В общем, говорит, пять суток не спали, слышал? А тебе, бедненькому, срочно спать нужно было, хе-хе-хе.

Про Димку с Женей я знаю — они могут и дольше не спать, если захотят. Тут главное — сила воли и тренировка, тогда можно хоть неделями не спать, если долго тренироваться. Дядя Коля их не любит, потому что они не пьют, а Дима над ним еще и смеялся, когда тот все никак не мог кулаком в него попасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.